

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 4

«ШУРАВИ»

Александра Венглинская

Сезон 4 · материалы № 33–43 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Шурави: что означало это слово
2. Он отказался от брони
3. Первым делом заняли свою же стройку
4. Генералы написали рапорт против
5. Мальчишки, которым не досталось своей войны
6. Дивизию вывел из строя гепатит
7. 990 караванов
8. О подвиге узнали из чужой газеты
9. Возмездия не было
10. Опись и аудит
11. Последняя битва великой армии

Шурави: что означало это слово

№ в серии: 33 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 18.09.2026 · ЖЖ: 27.10.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

25 декабря 1979 года в 15:00 по московскому времени границу перешёл десантно-штурмовой батальон капитана Леонида Васильевича Хабарова. 15 февраля 1989 года последнее подразделение 40-й армии прошло по мосту через Амударью в обратную сторону.

Между этими двумя датами — три тысячи триста сорок дней.

Разберу слово, которым там называли наших, прежде чем разбирать людей, которые за ним стояли, — коротко и без толкований, которые я не могу подтвердить.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ СЛОВО

«Шурави» — слово языков дари и фарси, образованное от «шура»: совет. Дословно оно значит «советский».

Так там называли всех, кто пришёл из Советского Союза, без различия: солдат, врачей, инженеров, преподавателей, метростроевцев.

Слово не ведомственное. Его не вводили приказом и не согласовывали в Москве. Его дали местные жители, и в языке оно осталось дольше, чем страна, к которой относилось.

ЧЕГО Я НЕ ПОДТВЕРЖДАЮ

В пересказах «шурави» регулярно наделяют отдельным уважительным оттенком — вплоть до перевода «шурави значит брат». Ни словаря, ни документа, где такой оттенок был бы зафиксирован, я не нашла, и приписывать его не стану.

Где проходит граница между тем, что слово значило в 1980 году на месте, и тем, что в него вкладывают сейчас здесь, по доступным мне источникам не устанавливается. Развилку оставляю открытой: она честнее любого из двух ответов.

КАК УСТРОЕН СЕЗОН

Одиннадцать материалов. Первая половина — о тех, кто пошёл, и о том, зачем их послали. Вторая — о том, что там делали, чего это стоило и как это оценили потом.

В них: девятнадцатилетний доброволец, отказавшийся от законной брони; батальон, чьей первой боевой задачей оказалась охрана собственной стройки; трое военных, подавших министру обороны рапорт против ввода; поколение, выросшее внутри фразы «нам не досталось войны».

Дальше: дивизия, выбывшая из войны без единого выстрела противника; ремесло, которого не было в наставлениях; восстание, о котором страна узнала из чужой газеты; легенда о возмездии, которого не было; опись того, что осталось на земле; и постановление, которым в декабре 1989 года всё это оценили одной строкой.

Слово — это то, как их называли там. Кто они были — совсем другой вопрос, и весь сезон о нём.

И вопрос, с которого я вхожу в сезон: «шурави» — это название армии или название поколения?

Первый материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — девятнадцатилетний москвич, пришедший в военкомат просить, чтобы его призвали.

Он отказался от брони

№ в серии: 34 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 19.09.2026 · ЖЖ: 29.10.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

В 1979 году девятнадцатилетний москвич пришёл в Черёмушкинский военкомат и попросил призвать его в армию. У него была законная бронь. Фамилия была Таривердиев.

В военкомате удивились. И призвали.

Отец — Микаэл Таривердиев, автор музыки к «Семнадцати мгновениям весны» и «Иронии судьбы». Когда знакомые спросили композитора, неужели он не может уберечь сына от Афганистана, тот ответил одиннадцатью словами.

СКАЖУ СРАЗУ, С ЧЕМ Я К ЭТОМУ ПОДХОЖУ

Я не собираюсь притворяться, что пишу об этом отстранённо.

Каждое пятнадцатое февраля я хожу на памятные мероприятия. Не по обязанности и не по должности — просто хожу, как ходят к своим. И каждый раз вижу одно и то же: их становится меньше, они сидят, и страна вокруг них по-прежнему не очень понимает, кто эти люди и что они, собственно, сделали.

Так что заранее: беспристрастности здесь не будет. Будет точность — за неё я отвечаю. А отношение своё я прятать не стану, потому что прятать его — значит соглашаться, что стыдиться есть чего.

Стыдиться нечего.

ОТЕЦ

Микаэл Леонович Таривердиев написал музыку, которую в этой стране знали наизусть все.

«Семнадцать мгновений весны». «Ирония судьбы». Мелодии, под которые выросло несколько поколений и под которые эти поколения понимали про себя что-то важное.

Положение его позволяло решить практически любой бытовой вопрос. Тем более такой.

Сын Карен Микаэлович Таривердиев родился в 1960 году. К призывному возрасту он подходил с полным набором оснований остаться: бронь, отцовское имя, Москва.

Он отказался от всего этого сам. Не тайком и не назло — отец знал и не препятствовал. Карен потом вспоминал постоянную отцовскую фразу: давай сам, парень, вперёд.

ВОПРОС, КОТОРЫЙ ЕМУ ЗАДАЛИ

Через какое-то время знакомые спросили композитора о том, что казалось им очевидным: неужели он не может уберечь родного сына от Афганистана.

Ответ известен в двух близких редакциях. Различаются они построением фразы, смысл во всех версиях один:

«А что, вместо моего сына на войну должен был поехать сын уборщицы?»

Больше подобных вопросов ему не задавали.

Границу проведу здесь же, чтобы не возвращаться. Это мемуарное свидетельство, а не документ: оно приводится в интервью самого Карена Таривердиева и в воспоминаниях его сослуживцев. Разночтения в формулировке я называю честно, потому что они есть. Мотивов отца я не реконструирую — документа на них не существует, и додумывать я не буду.

Но два обстоятельства проверяемы и ни от чьих слов не зависят: бронь была, и он от неё отказался.

ОДИННАДЦАТЬ СЛОВ ПРОТИВ ЦЕЛОЙ ЭПОХИ

Сегодня массовость афганского добровольчества объясняют чем угодно, кроме содержания. Обманом. Пропагандой. Отсутствием выбора. Льготами.

С сыном Микаэла Таривердиева ни одно из этих объяснений не работает. Выбор у него был полный. Он мог не идти, и никто бы не заметил.

Одиннадцать слов, сказанных отцом, содержат то, что сегодня объяснить труднее всего.

Долг понимался не как обязанность бедных. Он понимался как обязанность общая — и первым признаком того, что понимание подлинное, была готовность применить его к себе, имея полную возможность не применять.

Это поколение выросло на «Несокрушимой и легендарной» — на песне 1943 года, которую пели на всех парадах и в которой армия названа именно так: несокрушимой. Оно выросло на «Офицерах» 1971 года, где сформулировано в шесть слов: есть такая профессия — Родину защищать.

Мы привыкли считать, что это была декорация. Мальчик с бронью, пришедший в военкомат проситься, — доказательство обратного.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

Карен Таривердиев не отслужил срок и не вернулся к музыке. Он стал офицером специальной разведки Главного разведывательного управления.

Орден Красного Знамени. Два ордена Красной Звезды. Пять ранений.

Весной 1985 года он оказался с тяжёлым ранением в московском военном госпитале. Отец приехал к нему сразу.

Это была весна, когда работа разведки на той войне вышла на предельную интенсивность. В марте 1985-го развернулись управления 15-й и 22-й отдельных бригад специального назначения с восемью отрядами вдоль пакистанской и иранской границ. В апреле произошло восстание пленных в Бадабере. Госпитальная койка в Москве была частью этого же марта и апреля.

ОН СЧИТАЛ ПО-ДРУГОМУ

А теперь то, ради чего я вообще села писать этот текст.

Главным своим достижением за все годы Афганистана Карен Микаэлович Таривердиев называл не ордена.

Он называл им то, что под его командованием за всю войну был убит один рядовой.

Один.

Человек с тремя боевыми наградами и пятью ранениями вёл счёт не по наградам и не по ранениям. Он вёл его по чужим жизням, за которые отвечал. И считал, судя по всему, каждый день.

Вот это и есть офицер той армии. Не парадный, не плакатный — рабочий. Тот самый тип, которого Советская армия не производила с мая 1945 года, потому что тридцать четыре года не вела длительных боевых действий: были учения, были командировки советников, не было поколения командиров, знающих войну не по описанию.

Афганистан создал это поколение за девять лет и за очень конкретную цену.

Такого командира нельзя вырастить программой боевой подготовки. Его выращивает война, и дешевле не бывает.

К 1989 году в Вооружённых Силах этот слой был. Что с ним сделали потом — я расскажу в этом сезоне отдельно, и без спокойствия в голосе.

СОВПАДЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕ ОТДЕЛАТЬСЯ

Есть обстоятельство, из которого я не делаю вывода, но назвать обязана.

Микаэл Таривердиев написал музыку к «Семнадцати мгновениям весны» — фильму о советской разведке, который сформировал у целого поколения представление о том, как эта работа выглядит.

Его сын стал офицером военной разведки.

Связи между одним и другим не доказать, и сам Карен, судя по его словам, к отцовской славе относился без всякого пиетета. Но совпадение из тех, что эпоха производит сама, а мы потом не знаем, куда его девать.

ОН НАПИСАЛ ОБ ЭТОМ САМ

Карен Таривердиев ушёл в августе 2014 года. Ему было пятьдесят четыре.

В последние годы он написал цикл рассказов об афганской войне и сам называл их жёсткими и горькими. Он был уверен, что, став профессиональным военным, сделал в жизни правильный выбор, и говорил это прямо.

Про фильмы о той войне, снятые позже, он возмущался количеством вранья в деталях.

Я его понимаю. Про эту войну соврали столько, что правда теперь кажется преувеличением.

Пятнадцатого февраля я снова пойду туда, куда хожу каждый год.

Там будут люди, которые в девятнадцать лет писали рапорты, зная про цинк, — потому что с 1981 года гробы шли в Союз и молчание вокруг них было громче любых сводок. Там будет минута, когда никто ничего не говорит.

И там всегда стоит вопрос, который я не могу закрыть.

Что было в той стране, в тех школах и в тех дворах такого, что мальчик, имевший все основания остаться, шёл просить, чтобы его взяли?

И есть ли сегодня хоть что-нибудь, ради чего девятнадцатилетний москвич отказался бы от брони?

Второй материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о том, какую задачу получила самая первая часть, вошедшая за реку 25 декабря 1979 года. Она оказалась неожиданной.

Первым делом заняли свою же стройку

№ в серии: 35 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 21.09.2026 · ЖЖ: 31.10.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

25 декабря 1979 года в 15:00 по московскому времени границу перешёл десантно-штурмовой батальон капитана Леонида Васильевича Хабарова. Задача была одна: занять перевал Саланг.

Тоннель на Саланге к тому дню стоял пятнадцать лет. Его пробили московские метростроевцы.

Прочтите это ещё раз. Первая боевая задача первой части, вошедшей в Афганистан, состояла в том, чтобы взять под охрану собственную стройку.

ЧТО МЫ ТАМ СТРОИЛИ

Есть документ, который стоит открыть прежде всех остальных, — перечень объектов, построенных в Афганистане при содействии Советского Союза. Полную опись разбираю отдельным материалом; здесь важна одна позиция. В нём даты ввода и проектные мощности. И в нём нет ничего военного.

И Саланг. Дорога через Гиндукуш длиной сто семь и три десятых километра. Тоннель две тысячи шестьсот семьдесят шесть метров на высоте около трёх тысяч трёхсот. С галереями и противолавинными сооружениями — около трёх с половиной километров. Строительство 1958–1964.

На момент открытия — самый высокогорный тоннель в мире. Он разрезал надвое страну, которая до того на полгода делилась снегом пополам.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА И ОДНА НЕДЕЛЯ

Теперь сопоставьте два интервала, и вы увидите ту самую эпоху целиком.

Двадцать четыре года страна возила туда цемент, турбины, дорожные машины и преподавателей.

Одна неделя декабря 1979 года превратила всё это в театр военных действий.

Хронология этой недели известна по дням. 10 декабря — приказ министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова о развёртывании частей Туркестанского и Среднеазиатского округов. 12 декабря — постановление Политбюро П176/125 «К положению в „А“». 16 декабря — директива Генерального штаба о формировании 40-й общевойсковой армии; командующим назначен генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов.

К 25 декабря развёрнуто около ста соединений и частей. Из запаса призвано свыше пятидесяти тысяч человек — из среднеазиатских республик и Казахстана. Из народного хозяйства передано около восьми тысяч автомобилей.

Крупнейшее развёртывание в регионе за весь послевоенный период.

И вот в этот момент батальон Хабарова идёт на перевал, который сделали свои.

ПРО 27 ДЕКАБРЯ

27 декабря проводится операция «Шторм-333» — захват резиденции главы государства силами 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ под командованием майора Хабибджана Таджибаевича Халбаева.

Отряд сформировали летом 1979 года из военнослужащих — выходцев из среднеазиатских республик; в обиходе его звали «мусульманским батальоном».

Хафизулла Амин, тот самый глава государства, чьи обращения о помощи служили формальным основанием постановления от 12 декабря, в ходе штурма погиб.

Сопоставление я называю и не комментирую. Это область политических решений, а не предмет моего текста, и оценки, на которую у меня был бы документ, здесь нет.

А вот про Саланг документ есть, и он говорит громче всякого комментария.

ДОРОГА, КОТОРАЯ СТАЛА ФРОНТОМ

Все девять лет Саланг оставался главной артерией контингента.

По нему шло всё: топливо, боеприпасы, продовольствие, запчасти, письма. И он же был самым уязвимым местом. Его жгли на серпантинах. Его минировали. За него дрались каждый сезон.

Армия защищала собственную стройку, ставшую фронтом, и чинила её под огнём.

Розенбаум, побывавший там лично, написал потом «Караван» и «Монолог пилота „Чёрного тюльпана“» — песни, в которых перечислены Джелалабад, Шинданд, Кандагар, Баграм. Обратите внимание на этот список. Три из четырёх названий — это наши же аэродромы, построенные в шестидесятые и семидесятые. Города, куда возили турбины, стали точками на карте боевых потерь.

Я не знаю более точного описания того, что произошло с этой страной и с нами в ней.

Отмечу и другое. Песни об этой войне сочиняли сами воюющие — офицеры и солдаты, — и до 1985 года пели их подпольно, потому что «афганские» песни разрешали с неохотой. Ансамбль «Каскад», созданный из военнослужащих контингента в 1983-м, получил зелёный свет только через два года после образования.

Государство, которое не называло войну войной, не разрешало о ней и петь. Голос эти ребята взяли себе сами — ровно как и имя.

СТРОЙКА НЕ ОСТАНОВИЛАСЬ

И вот обстоятельство, которое обычно теряется целиком.

В те же годы шла реконструкция технических систем Саланга, вводилась станция Тургунди, был построен железнодорожный мост через Амударью.

ПОЧЕМУ ЭТО МЕНЯЕТ КАРТИНУ

Здесь то, ради чего стоило считать даты.

Мы привыкли думать об Афганистане как о чужой стране, куда пришла армия. Для поколения, которое туда пошло, это была страна, которую четверть века строили. Не завоёвывать шли — защищать сделанное.

Была ли эта рамка верным описанием того, что решалось в Кремле? Нет. Наверху решали задачу удержания сферы влияния и смены неудобного соседа. Внизу защищали дорогу, институт и электростанцию.

Два разных предприятия, происходившие одновременно и под одним названием.

Но история мотивов — это история того, как люди понимали, а не того, как следовало понимать. И девятнадцатилетний, писавший рапорт с просьбой отправить его за реку, действовал не по мотивам Политбюро. Он действовал по своим — и они были именно такими.

Списать его побуждение на обман — значит отказать ему в способности иметь собственное содержание. Ровно эту операцию над ним произведут через десять лет, и я к ней ещё вернусь.

ЧТО ОСТАЛОСЬ

Тоннель на Саланге стоит. Дорога через Гиндукуш стоит.

Батальон Хабарова шёл 25 декабря 1979 года на перевал, пробитый Метростроем.

Никто из отдававших приказ не сказал вслух, что армия входит охранять собственную работу. Это не было названо ни разу — ни тогда, ни потом.

Вопрос, на который у меня нет ответа: если бы это прозвучало официально, с трибуны, в декабре семьдесят девятого — изменилось бы

что-нибудь в том, как эту войну потом объяснили самой стране?

Третий материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о рапорте, который написали генералы. Не с просьбой их послать. С просьбой не посылать никого.

Генералы написали рапорт против

№ в серии: 36 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 23.09.2026 · ЖЖ: 02.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави, Несокрушимая и легендарная

В декабре 1979 года начальник Генерального штаба маршал Николай Васильевич Огарков получил от Юрия Владимировича Андропова совет заниматься военным делом. Это был ответ на возражения против ввода войск в Афганистан.

Возражал не он один. Возражали трое — и сделали то, чего в военной практике почти не делают: подали министру обороны коллективный рапорт.

СЛОВО, РАБОТАЮЩЕЕ В ОБЕ СТОРОНЫ

С 1980 года в военкоматы и политотделы пойдут рапорты от солдат и офицеров с просьбой направить их в Афганистан.

А в декабре 1979-го рапорт написали генералы — с просьбой не посылать туда никого.

Одно слово, два встречных документа, один результат: по существу не рассмотрели ни те, ни другие. Первых удовлетворили, вторых отвергли — и в обоих случаях по соображениям, к содержанию рапортов отношения не имевшим.

Оговорюсь сразу, потому что это важнее самой истории. Сам рапорт в открытом доступе не опубликован. О нём известно по мемуарным свидетельствам — прежде всего Анатолия Фёдоровича Добрынина и Валентина Ивановича Варенникова. Это показания заинтересованных сторон, а не архивная находка, и я не выдаю их за неё.

Что документируется твёрдо — это хронология вокруг них. И она говорит больше, чем сам рапорт.

ДОВОДЫ БЫЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ

Огарков возражал не как политик.

Афганцы никогда не терпели на своей земле иноземного присутствия. Встать гарнизонами и оставить боевую работу афганской армии не удастся. Втягивание в непрерывные бои неизбежно. Последствия для положения Советского Союза в исламском мире будут тяжёлыми.

Ту же позицию занимали первый заместитель начальника Генштаба Сергей Фёдорович Ахромеев и начальник Главного оперативного управления Валентин Иванович Варенников.

Ответ министра обороны Дмитрия Фёдоровича Устинова укладывается в четыре слова: не рассуждать, выполнять решение Политбюро.

По свидетельству Варенникова, единственным членом Политбюро, не поддержавшим решение, был Алексей Николаевич Косыгин. Это тоже показание стороны; независимого подтверждения я не нашла. Против высказывались также Евгений Максимович Примаков и Олег Тимофеевич Богомолов — по своей линии и без последствий.

ДВЕ ДАТЫ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ ВСЁ

Теперь то, что документируется без всяких мемуаров.

10 декабря 1979 года — приказ министра обороны о развёртывании и укомплектовании частей Туркестанского и Среднеазиатского военных округов.

12 декабря 1979 года — постановление Политбюро ЦК КПСС П176/125 «К положению в „А“», принятое по предложению комиссии в составе Андропова, Устинова, Громыко и Пономарёва.

Развёртывание началось за двое суток до решения.

Дальше по дням. 16 декабря — директива Генштаба о формировании 40-й общевойсковой армии, командующий генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов. К 25 декабря развёрнуто около ста соединений и частей, призвано из запаса свыше пятидесяти тысяч человек, передано из народного хозяйства около восьми тысяч машин. 25 декабря в 12:00 — распоряжение о переходе границы в 15:00.

Двое суток — это и есть весь ответ на вопрос, рассматривался ли рапорт.

Механизм принятия решения не предусматривал процедуры, при которой отрицательное заключение Генерального штаба могло бы хоть что-нибудь изменить. Экспертизу запросили, получили и отвергли — причём отвергли не после спора, а до него.

И ВОТ ЗДЕСЬ Я ПЕРЕСТАНУ БЫТЬ СПОКОЙНОЙ

Об этом сюжете обычно рассказывают как об эпизоде: упрямые старики в Генштабе против волюнтаризма Политбюро.

Это не эпизод. Это первое чистое проявление устройства, которое сработает потом ещё дважды — и в последний раз в августе 1991-го.

Устройство простое, и оно до сих пор действует.

Исполнитель обращается к тому, кто им распоряжается. Обращение не отвергают грубо — его просто не рассматривают как обращение. Оно проходит по разряду шума.

Решение остаётся за распорядителем. Последствия остаются за исполнителем.

Ровно так это оформят официально десять лет спустя — постановлением Съезда народных депутатов СССР № 982-1 от 24 декабря 1989 года: решение о вводе войск заслуживает морального и политического осуждения. Ни одного имени. Ни одной персональной ответственности. А в публичном обращении оценка немедленно перешла на шестьсот двадцать тысяч человек, это решение исполнивших.

Тех, кто просил не посылать, не спросили в семьдесят девятом. Тех, кто исполнил, осудили в восемьдесят девятом.

Обе операции проделал один и тот же субъект. И это не совпадение, а способ работы.

ПРОГНОЗ СБЫЛСЯ ПОЛНОСТЬЮ

Замысел встать гарнизонами рухнул за первые полгода. Правительственная армия несла массовое дезертирство. К весне 1980-го контингент был втянут в непрерывные боевые действия.

Цифры показывают этот переход отчётливее любого описания. 1979 — восемьдесят шесть погибших за неделю с небольшим. 1980 — тысяча четыреста восемьдесят четыре. 1981 — тысяча двести девяносто восемь. 1982 — тысяча девятьсот сорок восемь.

В 1984 году Николай Васильевич Огарков был снят с должности начальника Генерального штаба.

Причины его перемещения — отдельный сюжет, и я не свожу их к Афганистану: там были и другие обстоятельства, о которых надо говорить подробно и не мимоходом. Но совпадение назвать обязана.

Человек, чья профессиональная оценка декабря 1979 года подтвердилась целиком, потерял должность прежде, чем эта оценка стала очевидной для всех.

ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ ВМЕСТЕ С ЭТИМ

Я пишу это и думаю про песню 1943 года, на которой выросла вся страна, — «Несокрушимая и легендарная».

В ней армия названа так, как в те годы её и понимали: несокрушимой. И это не была фигура речи. Армия, о которой пелось, действительно оказалась несокрушима — её никто не сломал снаружи ни разу.

Её ломали изнутри, и ломали именно так, как в декабре 1979-го: не выслушав, не объяснив, не спросив.

Афганская кампания стала её последним большим делом. Последней битвой великой армии — народной, добровольческой, той самой. Проиграла она не на перевале и не в Панджшере. Проиграла в кабинетах, где сначала не читают рапорт, а потом подписывают постановление.

В любой армии мира существует неписаное условие, на котором вообще возможна дисциплина: отдавший приказ отвечает за приказ.

Оно нигде не записано именно потому, что до определённого момента его не приходило в голову оспаривать.

Вопрос, который я оставляю открытым: что происходит с институтом, которому сначала не дают возразить, а потом предъявляют счёт за исполнение?

И сколько времени такому институту нужно, чтобы усвоить урок?

Четвёртый материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о поколении, которое дало этих добровольцев. О мальчишках, считавших, что им не досталось своей войны.

Мальчишки, которым не досталось своей войны

№ в серии: 37 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 25.09.2026 · ЖЖ: 04.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

Солдат, призванный в 1980 году, родился примерно в 1960-м. Его детство пришлось на двадцатилетие Победы, отрочество — на двадцатипятилетие, юность — на тридцатилетие.

Он вырос внутри одной фразы, которую его поколение говорило о себе само: нам не досталось войны.

Им досталось. Не той и не так, как они себе представляли. Но досталось.

ИЗ ЧЕГО ИХ СДЕЛАЛИ

Эту формулу сегодня охотно списывают на пропаганду. Она к ней не сводится: пропаганда её не сочиняла, она её только подхватила.

Великая Отечественная была для мальчишек шестидесятого года рождения не историческим сюжетом. Она была нормативным образцом биографии — единственной формой, в которой мужская жизнь получала окончательное подтверждение.

Преподавалась эта норма ежедневно и далеко не только на уроках.

Военруками в школах работали фронтовики. Они говорили о войне не как о бедствии, а как о работе, которую пришлось делать и которую сделали. Существовала разветвлённая сеть военно-прикладной подготовки: ДОСААФ с парашютными вышками и стрелковыми тирами, разрядные нормативы, военно-спортивные игры со штабами и разведкой, учебные пункты при заводах.

Мальчик из районного города к семнадцати годам мог иметь прыжки с парашютом, разряд по стрельбе и точное представление о том, чем десантник отличается от мотострелка.

А ещё было кино, и его надо назвать поимённо, потому что оно работало сильнее любого урока.

«Офицеры» 1971 года, где всё сформулировано в шесть слов: есть такая профессия — Родину защищать. «В бой идут одни „старики“» 1973-го, после которого мальчишки шли записываться в лётные.

«Белорусский вокзал» 1970-го — про то, что война не кончается, когда её объявляют оконченной.

«Несокрушимая и легендарная» — песня 1943 года, которую в этой стране знали все и в которой армия названа ровно так, как её тогда и понимали.

Мы привыкли считать, что это была декорация.

Не была.

ДВОР

Существеннее всякой формальной подготовки была неформальная иерархия. Во дворе и в школе трусость была приговором окончательным — не подлежащим обжалованию и не искупаемым ничем.

Это единственное, чего нельзя восстановить постановлением: двор либо есть, либо его нет.

ЧТО ПРОИЗОШЛО, КОГДА ОБЪЯВИЛИ

С 1980 года в военкоматы, штабы частей и политотделы пошли обращения с просьбой о направлении в Демократическую Республику Афганистан.

Писали срочники из частей, стоявших в Союзе, — те, кто попал в Прибалтику или Забайкалье и считал себя обойдённым. Писали офицеры, для которых перевод означал понижение бытовых условий, разлуку с семьёй и резкое повышение риска. Писали выпускники училищ, выбиравшие распределение. Писали те, кого уже комиссовали, и те, кому по возрасту было поздно.

Здесь я остановлюсь и назову границу, потому что это место, где легче всего испортить весь текст.

Сплошной статистики добровольчества не существует. Отдельного учёта таких рапортов никто не вёл. Любая цифра, которую я бы здесь назвала, не имела бы под собой документального основания.

Явление документируется — по мемуарам командиров, по ведомственной переписке, по свидетельствам работников военкоматов, по самому факту устойчивой практики отказа в удовлетворении таких рапортов. Масштаб не документируется никак.

Соблазн написать «десятки тысяч» велик, и он тем сильнее, чем дороже мне предмет. Я от цифры отказываюсь. Кто её напишет — получит первое же возражение по существу и потеряет вместе с ней всё, что доказуемо.

ТРИ СЛОЯ, И БЕЗ ХАНЖЕСТВА

Доказуемо вот что: рапорты подавались, подавались не единицами и подавались добровольно.

Мотивы шли тремя слоями: поколенческий — проверка себя, которой иначе не представится; профессиональный — офицер, желающий делать своё дело по-настоящему, а не на учении; и прагматический, о котором тоже надо честно: льготы, выслуга, продвижение, машина вне очереди.

Наличие третьего не отменяет первых двух. Человек, идущий на войну, редко движим одним побуждением, и тот, кто изображает его иначе, делает из живого мальчика плакат. Плакатов у нас уже было достаточно, и именно они потом позволили сказать про этих ребят самое обидное.

ОНИ ЗНАЛИ ПРО ЦИНК

А теперь главное, что существеннее любой статистики.

С 1981 года в Союз шли гробы. Знание о том, что происходит за рекой, расходилось быстрее официальных сводок и вопреки им — через вернувшихся, через письма, через похороны в соседнем дворе.

Первая волна добровольцев могла не понимать, куда идёт.

Вторая и третья понимали.

Они писали рапорты, зная про цинк.

Розенбаум, побывавший там сам, напишет об этом «Монолог пилота „Чёрного тюльпана“» — про Ан-12, увозивший погибших домой. Это не песня про подвиг. Это песня про работу, от которой некуда деться, и про мальчиков, которых везут обратно.

Её знает наизусть каждый, кто там был. И каждый, у кого оттуда кто-то не вернулся.

Я тоже её знаю наизусть. И каждое пятнадцатое февраля, когда я иду туда, куда хожу все эти годы, она у меня в голове играет сама, без всякого повода.

ОНИ СОЧИНИЛИ СЕБЕ ПЕСНИ САМИ

Есть в этой истории сюжет, который я считаю решающим, — и он почти нигде не рассказан.

У этой войны не было официальной песни. Государство, не называвшее войну войной, не собиралось и петь о ней.

Тогда воюющие написали её себе сами.

Самые известные вещи начального периода — 1980–1983 годов — сочинили офицеры отряда специального назначения КГБ «Каскад» Юрий Кирсанов и Игорь Морозов. «Опять тревога», «Зорька», «Кукушка» — сегодня это считается эталоном жанра.

Тогда их исполняли подпольно.

В апреле 1983 года в Афганистан прибыл военный дирижёр капитан Андрей Сухов, тридцати двух лет, выпускник консерватории. Начальник штаба 108-й мотострелковой дивизии поставил ему задачу: организовать концерт к 9 мая на базе в Баграме. Из этого вырос ансамбль «Каскад», названный в честь того самого отряда, чьи песни ходили по частям из рук в руки.

Петь «афганские» песни разрешали с неохотой. Зелёный свет ансамбль получил только в 1985 году — через шесть лет после начала войны.

В августе 1985-го в расположении 2-й роты 1-го батальона 350-го парашютно-десантного полка появились «Голубые береты»: Сергей Исаков, Игорь Иванченко, старшина роты Олег Гонцов, позже Сергей Яровой. Первый концерт — вечером 19 ноября 1985 года в солдатском клубе полка.

Один замполит обронил тогда фразу, которая стоит целого исследования: один концерт «Каскада» стоит ста часов политработы.

ДВАЖДЫ ВЗЯЛИ СВОЁ САМИ

Теперь сложите две вещи, и вы увидите ту войну целиком.

Имя себе эти люди не выбрали — «шурави» им дала противоположная сторона, потому что своё государство имени не дало.

Песню себе они написали сами и пели её подпольно, потому что своё государство петь не разрешало.

Ни имени, ни голоса сверху не выдали. И то и другое они добыли сами — одно у противника, другое вопреки запрету.

Вот на этом фоне и надо читать всё остальное: и постановление 1989 года, и пять слов в окне собеса. Люди, которым не дали даже спеть о себе, потом узнали, что и дело их осуждается.

ОДИН СЛУЧАЙ ПОИМЁННО

Там, где нет статистики, остаются отдельные случаи.

Карен Микаэлович Таривердиев, 1960 года рождения, сын композитора Микаэла Леоновича Таривердиева, имел законную бронь. Он пришёл в Черёмушкинский военкомат и попросил призвать его несмотря на бронь. Его призвали.

Отец не препятствовал. Когда знакомые спросили композитора, неужели он не может уберечь родного сына от Афганистана, тот ответил вопросом: а что, вместо моего сына на войну должен был поехать сын уборщицы?

Дальше — специальная разведка ГРУ, орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, пять ранений.

ТИП, А НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Теперь можно сказать то, ради чего я села писать.

Человек, у которого потребность в осмысленном действии превышает инстинкт самосохранения, есть в любом обществе. Вопрос только в том, много его или мало и что общество с ним делает.

К концу семидесятых Советский Союз располагал этим типом в массовом количестве. Он производил его почти непреднамеренно — школой, кино, книгами, памятью о сорок первом, живыми фронтовиками, у которых можно было спросить, и двором, где не прощали.

Афганская кампания застала последнее поколение, в котором этот тип был массовым. Дальше его станет меньше.

В 1979-м сырьё ещё было. В 1989-м его ещё хватало. К 1991-му хватило уже не на всё.

И это, если хотите знать моё мнение, и есть настоящий итог того десятилетия. Не территория, не деньги, не строчки в договорах. Люди, которых больше не производят.

ЧТО С НИМИ СДЕЛАЛИ

Через десять лет после начала той войны словосочетание «интернациональный долг» стало непригодным без усмешки. Ещё через несколько — им отвечали в собесах пятью словами: мы вас туда не посылали.

Обе эти операции проделали с людьми, которые в семнадцать прыгали с парашютной вышки, а в девятнадцать писали рапорт.

Я не знаю, как это назвать вежливо, и не буду искать.

Каждое пятнадцатое февраля их становится меньше. Это простая арифметика, и она никого не щадит.

Мальчишки шестидесятого года рождения сегодня — люди за шестьдесят пять. Те, кто дожил.

Вопрос, на который у меня нет документа: сколько поколений нужно, чтобы такое сырьё восстановилось?

И восстанавливается ли оно вообще — или производится однократно, при определённом устройстве страны, и вместе с этим устройством исчезает навсегда?

Пятый материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о том, как целая дивизия вышла из строя без единого выстрела противника.

Дивизию вывел из строя гепатит

№ в серии: 38 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 27.09.2026 · ЖЖ: 06.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави, Несокрушимая и легендарная

Осенью 1981 года 5-я мотострелковая дивизия 40-й армии перестала быть боеспособной. Противник к этому не имел никакого отношения.

Одновременно гепатитом заболели более трёх тысяч человек. Среди них — командир дивизии, большинство офицеров его штаба и двое из четырёх командиров полков.

Соединение выбыло из войны без единого выстрела.

ЦЕНА, КОТОРУЮ НЕ СЧИТАЮТ

Об афганской войне обычно говорят двумя цифрами: пятнадцать тысяч пятьдесят один погибший с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989-го и свыше шестисот двадцати тысяч человек, прошедших через страну.

Обе верны. Обе неполны.

Раненых за весь период было свыше пятидесяти тысяч — вдвое больше, чем убитых.

А главная составляющая цены в разговорах исчезает целиком.

На протяжении всего пребывания 40-й армии в Афганистане более четверти личного состава было постоянно небоеспособно из-за инфекционных заболеваний.

Более четверти. Постоянно. Все девять лет.

ЧТО ИМЕННО ВАЛИЛО ПОЛКИ

Первое место занимали кишечные инфекции: в начальный период — семьдесят и две десятых процента заболеваемости, в последующем — свыше семидесяти пяти.

Внутри этой группы на вирусный гепатит А приходилось от сорока пяти и восьми десятых до шестидесяти двух и четырёх десятых процента.

На дизентерию и острые диарейные инфекции — двадцать восемь и семь десятых. На брюшной тиф и паратифы — тринадцать и три десятых.

Военнослужащий, дважды переболевший одной и той же инфекцией, признавался негодным к дальнейшей службе в Афганистане и возвращался в Союз.

По свидетельству войсковых медиков, людей, не переболевших ни разу, среди прослуживших там практически не встречалось.

Полки выходили из строя не от огня, а от воды.

ОСЕНЬ 1981-ГО

Вернёмся к дивизии, и вот тут я обязана быть аккуратной.

Эпизод подробнее всего описан в работах военных медиков, в том числе иностранных: американские специалисты разбирали эпидемиологические уроки этой кампании отдельно и без всякой симпатии к нам. Часть цифр по санитарным потерям приходит именно оттуда. Расхождения между ведомственными и внешними подсчётами есть, и сглаживать их я не собираюсь.

Само событие подтверждается с обеих сторон.

Соединение, рассчитанное на ведение боевых действий, перестало их вести. Не потому, что было разбито. Потому что три тысячи человек одновременно слегли, а с ними и командование.

Сопоставьте масштаб. Безвозвратные потери всей 40-й армии за 1981 год — тысяча двести девяносто восемь человек. Заболевших в одной дивизии за один квартал — больше трёх тысяч.

Между этими двумя цифрами лежит вся разница между тем, как войну помнят, и тем, чем она была.

КТО БОЛЕЛ БОЛЬШЕ ВСЕХ

Причина не в халатности отдельных лиц, хотя и она встречалась.

Горная страна, крайне низкий уровень санитарии, жара, дефицит воды и полная невозможность обеспечить её качество на выносных заставах.

Уровень заболеваемости прямо зависел от характера задач: хуже всего приходилось тем, кто стоял на постах вдоль коммуникаций, в отрыве от базовых районов.

То есть болели больше всего именно те, кто нёс сторожевое охранение — самую массовую и самую невидную работу этой войны.

Про них не сняли ни одного фильма. Про них не спели ни одной песни. Их не показывали в программе «Время».

Мальчик простоял полтора года на высоте над трассой, дважды переболел, вернулся с посаженной печенью и без единого ранения — и в общественном представлении не воевал вовсе. Он и объяснить-то не мог: официально войны не было, а желтуха — не подвиг.

КТО С ЭТИМ РАБОТАЛ

Медицинская служба 40-й армии была отдельной войной внутри войны, и её результат надо назвать прямо.

Именно ей принадлежит главное практическое достижение кампании: перевод эвакуации раненых на вертолёт как на штатное средство. Время от ранения до операционного стола сократилось с суток до часа.

Это и есть причина соотношения «пятьдесят тысяч раненых против пятнадцати тысяч убитых»: часть безвозвратных потерь была переведена в санитарные усилиями конкретных людей, которых никто по именам не помнит.

Те же люди не смогли справиться с водой. Обе половины правды существуют одновременно, и выбирать из них удобную я не буду.

ЧЕГО Я НЕ ПРИВОЖУ

Скажу и о том, чего в этом тексте нет.

В обращении встречаются оценки общих санитарных потерь 40-й армии в конкретных абсолютных числах — со ссылками, которые при проверке ведут по кругу друг на друга. Я их не привожу.

Проценты по структуре заболеваемости подтверждаются специальными исследованиями. Сводного абсолютного итога по санитарным потерям я не нашла в виде, который могла бы предъявить.

Там, где источник молчит, я предпочитаю сказать об этом вслух, а не подставить правдоподобную цифру. Особенно здесь — потому что за каждой такой цифрой стоят живые люди, и врать про них я не имею права ни в большую сторону, ни в меньшую.

ПОЧЕМУ Я ВООБЩЕ ЭТО ПИШУ

Пятнадцатого февраля, когда я иду туда, куда хожу каждый год, я смотрю на этих людей и думаю про арифметику.

Из тех, кто стоит в строю, добрая половина никогда не ходила в рейд. Они держали заставу, водили колонну, чинили технику, лечили, кормили, хоронили. Болели. Возвращались в строй. Болели снова.

И вот их-то в общественной памяти нет вообще. Ни в кино, ни в песнях, ни в разговорах. Даже среди сочувствующих принято помнить только тех, кто стрелял.

Между тем великая армия — это не только те, кто в бою. Это ещё и те, кто девять лет держал её на ногах в стране, где вода убивала надёжнее пули.

Двадцать пять процентов личного состава — постоянно вне строя.

Это означает, что численность, которой реально располагало командование, была существенно меньше отчётной. Каждая операция планировалась на бумаге одной армией, а проводилась другой.

Вопрос, который я оставляю открытым: знали ли об этом те, кто в декабре 1979-го определял состав контингента?

И был бы он другим, если бы вместо доклада о численности им положили на стол доклад об эпидемиологии?

Шестой материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о том, как в 1985 году в этой войне научились считать результат: не по уничтоженным, а по каравану.

990 караванов

№ в серии: 39 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 29.09.2026 · ЖЖ: 08.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

С 21 по 29 марта 1985 года в Афганистан вошли управления двух отдельных бригад специального назначения ГРУ. Пятнадцатая встала штабом в Джелалабаде, двадцать вторая — в Лашкаргахе. С ними — восемь отдельных отрядов.

К концу года почти все приграничные провинции были поделены между ними на зоны ответственности. Система получила название «Завеса».

ЧТО ПОНЯЛИ НА МЕСТЕ РАНЬШЕ, ЧЕМ НАВЕРХУ

К середине восьмидесятых на театре сложилось понимание, до которого в Москве доходили дольше.

Противник не имел ни промышленности, ни складов длительного хранения, ни собственного производства боеприпасов. Всё, чем он воевал, приходило извне — через границы с Пакистаном и Ираном, выючными караванами по тропам, известным столетиями.

Отсюда следствие, простое до жестокости.

Уничтожение отряда в долине давало результат временный: люди восполнялись быстрее, чем уничтожались. Панджшерских операций было девять. Каждая считалась успешной. После каждой долина возвращалась в исходное состояние.

Уничтожение каравана давало результат постоянный. Каждая единица груза, не дошедшая до места, не могла быть заменена ничем.

Ровно об этом предупреждал в декабре 1979 года начальник Генерального штаба Николай Васильевич Огарков: встать гарнизонами и удерживать территорию не выйдет. Удержание требовало численности, которой контингенту не давали.

Армия нашла ответ сама. Ей никто его не подсказал.

ВОСЕМЬ ТОЧЕК НА КАРТЕ

15-я бригада: 154-й отдельный отряд — Джелалабад, 177-й — Газни, 334-й — Асадабад в провинции Кунар, 668-й — Бараки-Барак в провинции Логар.

22-я бригада: 173-й отряд — Кандагар, 186-й — Шахджой в провинции Забуль, 370-й — Лашкаргах, 411-й — Фарах.

Обратите внимание на 154-й. Это тот самый «мусульманский батальон», сформированный летом 1979 года из военнослужащих — выходцев из среднеазиатских республик, тот, что 27 декабря 1979-го проводил операцию «Шторм-333» под командованием майора Хабибджана Таджибаевича Халбаева. В марте 1984-го его перевели в Джелалабад, в феврале 1985-го подчинили штабу 15-й бригады.

Отряд, начинавший эту войну одной задачей, шесть лет спустя работал совершенно по другой. Так и выглядит армия, которая учится на ходу.

РЕМЕСЛО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО В НАСТАВЛЕНИЯХ

К 1985 году содержание работы отрядов сложилось в отдельное ремесло, для которого в советских уставах отводилось несколько абзацев.

Агентурная и радиотехническая разведка на караванных направлениях. Засады мелкими группами с многосуточным выжиданием, маскировкой, расчётом отхода. Досмотровые группы, высаживаемые с вертолётa прямо на тропу. Наблюдательные пункты на господствующих высотах. Минирование троп.

Вертолёт перестал быть средством поддержки и стал основным манёвренным средством: переброска на сотню километров, высадка, эвакуация.

Командир группы действовал в отрыве, вне видимости старшего начальника и часто вне устойчивой связи. Решал сам. Отвечал лично.

Розенбаум назвал одну из своих афганских песен «Караван» — и это не случайное слово. Караван был для этой войны не экзотикой, а главным предметом. Всё крутилось вокруг того, дойдёт он или нет.

ТЕПЕРЬ О ЦИФРАХ, И ОСТОРОЖНО

Оценка результатов, данная командованием 40-й общевойсковой армии, такова: с 1984 года разведывательные подразделения уничтожили около семнадцати тысяч человек противника, захватили и уничтожили девятьсот девяносто караванов, обнаружили и уничтожили триста тридцать два склада, взяли восемьсот двадцать пять пленных.

Эти величины надо развести по достоверности, и я сделаю это прямо здесь.

Семнадцать тысяч уничтоженных — оценка, а не результат. Подсчёт потерь противника в войне такого типа не поддаётся независимой проверке нигде и никогда: ни в Афганистане, ни во Вьетнаме, ни где-либо ещё. Эту цифру следует читать как порядок и не более того.

Девятьсот девяносто караванов, триста тридцать два склада и восемьсот двадцать пять пленных проверяемы существенно лучше. За ними захваченное имущество, отчётность по нему и живые люди.

Собственные безвозвратные потери отрядов специального назначения за весь период — около семисот человек, включая небоевые и санитарные: порядка пятисот в 15-й бригаде, около двухсот в 22-й.

СОПОСТАВЛЕНИЕ, РАДИ КОТОРОГО ВСЁ СЧИТАЛОСЬ

Девятьсот девяносто караванов против семисот собственных жизней.

Такое соотношение — редкость для любой войны. И говорит оно о качестве работы больше, чем любые сводки об уничтоженном противнике.

Здесь мне придётся сказать то, что обычно говорят с придыханием, а я скажу спокойно, потому что это факт.

С мая 1945-го по декабрь 1979-го Советская армия не вела длительных боевых действий. Тридцать четыре года. Были учения, были командировки советников — не было поколения командиров, знающих войну не по описанию.

Афганистан создал его за девять лет.

К 1989 году в Вооружённых Силах существовал слой командиров всех степеней, прошедших реальную войну: понимающих, что такое потери, умеющих работать в неопределённости, различающих донесение и действительность.

Такой кадровый капитал не производится программой боевой подготовки. Его производит только война, и цена известна.

ЧТО С НИМ СДЕЛАЛИ

А дальше начинается то, о чём в текстах про спецназ обычно не пишут.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР принял постановление № 982-1: решение о вводе войск заслуживает морального и политического осуждения. Ни одного имени принимавших это решение в документе нет. В публичном обращении оценка немедленно перешла на исполнивших.

С 1 января 1992 года прекратились поставки вооружения и боеприпасов правительству в Кабуле — согласие дано 15 ноября 1991-го.

В апреле 1992-го Кабул пал.

Офицеры, нарабатывшие уникальную квалификацию, к этому моменту оказались носителями умения, которое государству больше не требовалось. Куда оно ушло в девяностые — тема, для которой нужен отдельный текст и другая интонация. Скажу коротко: это была одна из самых дорогих растрат за всю нашу историю, и никто за неё не ответил.

Есть открытая развилка, которую я закрыть не берусь.

Одни считают, что систему перехвата караванов нашли слишком поздно: разверни её не в 1985-м, а в 1981-м — характер войны был бы другим.

Возражение тоже серьёзное: перекрыть границу протяжённостью в две с лишним тысячи километров восемью отрядами нельзя в принципе, и «Завеса» лишь удорожала снабжение противника, не пресекая его.

Документов, решающих этот спор, у меня нет. Есть только соотношение: девятьсот девяносто караванов и семьсот жизней.

Достаточно ли этого, чтобы считать задачу решённой? И кто, собственно, должен был это решать — те, кто там работал, или те, кто через четыре года подписал постановление?

Седьмой материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о самом отчаянном эпизоде этой войны, о котором страна узнала из чужой газеты.

О подвиге узнали из чужой газеты

№ в серии: 40 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 01.10.2026 · ЖЖ: 10.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

26 апреля 1985 года около девяти вечера в лагере Бадабер под Пешаваром советские и афганские военнопленные сняли часовых и захватили арсенал. Через полтора суток почти все они погибли.

В Советском Союзе об этом узнали не от Советского Союза. Сообщение пришло из пакистанской газеты.

Я пишу это спокойно только потому, что иначе текст не получится. Спокойствия у меня по этому поводу нет никакого.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ОФИЦИАЛЬНО НЕ БЫЛО

Чтобы понять поступок, надо понять положение.

Бадабер — база подготовки вооружённой оппозиции километрах в десяти южнее Пешавара: жилая зона, учебные классы, склады и тюрьма. От афганской границы — чуть больше сорока километров.

Советский военнослужащий, попавший туда, находился на территории третьего государства, формально в войне не участвовавшего. Обмена не существовало: обмен производится в рамках признанного состояния войны, а войны официально не было. Переговоров о таких людях страна не вела.

Их не было ни в каких списках, кроме внутренних. Для внешнего мира они не существовали вовсе.

Единственное, что им предлагали, — переход в другую веру и другое подданство. Скажу прямо, потому что без этого поступок не измеряется: часть пленных на это шла. Человеческие силы имеют предел, и осуждать за это я не берусь ни секунды.

За всю войну без вести пропали двести восемьдесят семь военнослужащих и вольнонаёмных. По списку Комитета по делам воинов-интернационалистов позиций двести семьдесят. Расхождение

объясняется критериями включения — и тем, что списки уточняются до сих пор.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЧАСОВ

Восстание началось в момент вечерней молитвы, когда личный состав лагеря был выстроен.

Пленным удалось снять часовых и попасть на склады. По имеющимся оценкам, там находилось порядка двух миллионов патронов и около двух тысяч ракет и снарядов.

Они заняли круговую оборону, поставили на крыше миномёты и пулемёты и потребовали переговоров с советскими или афганскими представителями.

Требование не удовлетворили. Ни в ту ночь, ни утром.

Лагерь блокировали, к рассвету подтянули силы. Штурм вёлся с применением артиллерии и при участии частей регулярной пакистанской армии. Бой продолжался около полутора суток и закончился взрывом склада боеприпасов.

Погибли почти все.

Два десятка безоружных людей полтора суток дрались с регулярной армией чужого государства. Не по приказу — приказа не было и быть не могло. Не ради спасения — шансов не было тоже. Просто потому, что были теми, кем были.

ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ

И здесь я обязана перечислить то, что не установлено. Перечень получается длинный, и мне от него больно.

Не установлено, что вызвало взрыв: самоподрыв или попадание при обстреле.

Не установлено точное время: одни свидетельства относят его к утру 27 апреля, другие — к вечеру 26-го.

Не установлено число участников: называют от двенадцати до двадцати советских военнопленных и около сорока афганских.

Не установлен полный именной состав. Публикуемые списки расходятся: один и тот же человек в разных перечнях идёт то под инициалами, то под полным именем, и совпадения не всегда очевидны.

Известны имена тех, кого позже наградили посмертно уже независимые республики: Белоруссия — Александра Зверковича, Казахстан — Николая Саминя, Украина — Сергея Коршенко.

Государство, пославшее их всех, к моменту награждения существовать перестало.

ИМЯ, КОТОРОЕ ПРИШЛОСЬ СНЯТЬ

Теперь самое трудное место этого текста.

В списках узников Бадабера числился Валерий Кусков.

Установлено, что в лагере он никогда не был. Он погиб в 1984 году в провинции Кундуз, и человек, находившийся при этом рядом, впоследствии подтвердил, что сам его хоронил. Пакистанская сторона свою ошибку признала.

Соблазн не заметить такой поправки огромен. Она уменьшает мартиролог, а мартиролог здесь свят, и рука не поднимается.

Но список погибших — не памятник, который тем лучше, чем он больше. Это документ, и его ценность равна его точности.

Имя, внесённое ошибочно, обесценивает все остальные имена, потому что даёт основание усомниться в каждом. Тот, кто оставляет в списке ошибку из благоговения, оказывает погибшим худшую услугу, чем тот, кто её снимает.

Я делаю это не потому, что мне легко. Я делаю это потому, что этим ребятам врать нельзя.

КАК ОБ ЭТОМ УЗНАЛИ

И вот главное.

Материал о восстании подготовил пешаварский журнал «Сафир». Выпуск конфисковали пакистанские власти.

Сообщение опубликовала левая газета «Муслим». Оттуда его подхватили западные агентства.

И только после этого оно вернулось в страну, чьи солдаты в Бадабере дрались.

Официальная реакция Советского Союза: нота протеста, возлагавшая ответственность на правительство Пакистана, и заявление посла Виталия Смирнова от 11 мая 1985 года.

Нота.

Я перечитываю это и каждый раз спотыкаюсь на одном и том же месте. Страна, которая через пятнадцать лет после Победы вывела человека в космос, на такое ответила нотой.

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ

Бадабер — вся афганская история в одном эпизоде.

Люди, официально не существующие, дерутся без всякой надежды и без всякого приказа. Делают это лучше, чем можно было потребовать. Страна узнаёт об этом из чужой газеты, отвечает дипломатическим документом и на десятилетия оставляет их имена в состоянии предположения.

Это не единичный сбой. Это система, которая к 1985 году работала уже шесть лет: государство вело войну и одновременно её стеснялось. Слова «война» не было ни в сводках, ни в передовицах, ни в извещениях о смерти — там стояла формула «погиб при исполнении служебных обязанностей».

Отказ от исполнителя начинается не с осуждения. Он начинается там, где жертву исполнителя велено не называть.

И ЕЩЁ ОДНО СОВПАДЕНИЕ

Восстание в Бадабере произошло в апреле 1985 года.

В том же 1985-м ансамблю «Каскад», собранному из военнослужащих контингента ещё в 1983 году, наконец разрешили открыто исполнять афганские песни: до этого их пели подпольно. В ноябре того же года в 350-м парашютно-десантном полку появились «Голубые береты».

То есть в тот самый год, когда двадцать человек в чужой тюрьме сделали то, что сделали, — их товарищи в частях только-только получили право петь о своей войне вслух.

Совпадение это ничего не доказывает. Но оно точно описывает страну, которая в апреле отвечала на подвиг нотой, а песню о себе разрешала своим же солдатам через шесть лет после начала.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

Установление имён продолжается до сих пор, и занимаются им не государственные комиссии, а поисковики, журналисты и родственники.

Часть работы сделана в девяностые и двухтысячные — тогда же появились первые попытки свести пакистанские, афганские и советские сведения в один список. В ходе этой сверки и выяснилась ошибка с Кусковым.

Остальное остаётся в состоянии, в котором находилось в 1985 году: два десятка человек, о которых известно, что они были, что они сделали и что почти никто из них не пережил 27 апреля.

Через четыре с половиной года, 24 декабря 1989 года, Съезд народных депутатов СССР постановлением № 982-1 признает решение о вводе войск заслуживающим морального и политического осуждения.

К тому моменту имена людей, поднявшихся в Бадабере, всё ещё не были установлены.

Вопрос, который я оставляю открытым и на который у меня нет ни одного вежливого ответа: почему на то, чтобы вынести оценку, у государства нашлось четыре года — а на то, чтобы установить два десятка фамилий, не нашлось и сорока?

Восьмой материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о продолжении этой истории, которое рассказывают почти всегда и которое при проверке не подтверждается.

Возмездия не было

№ в серии: 41 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 03.10.2026 · ЖЖ: 12.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

10 апреля 1988 года взорвались склады боеприпасов в лагере Оджхри между Исламабадом и Равалпинди. Погибли, по разным оценкам, от тысячи до полутора тысяч человек.

17 августа 1988 года потерпел катастрофу самолёт с президентом Пакистана Мухаммедом Зия-уль-Хаком.

Оба события произошли. Связь между ними и восстанием в Бадабере не доказана ничем.

Мне очень не хочется этого писать. Я всё равно напишу.

ВЕРСИЯ, КОТОРУЮ ЗНАЮТ ВСЕ

История рассказывается почти всегда, стоит зайти речи о Бадабере.

За апрель 1985-го отплатили. Сначала — удары по лагерям на пакистанской территории. Потом Оджхри. Потом самолёт президента.

Рассказ распространён чрезвычайно широко и производит сильное впечатление. Он закрывает историю так, как ей и полагается закрываться: счёт оплачен, справедливость восстановлена, наши своих не бросают.

Я взялась проверить. Результат проверки — содержание этого текста.

ЧТО ПОКАЗАЛА ПРОВЕРКА

Версия воспроизводится десятками публикаций в почти дословно совпадающих формулировках.

Единственная её атрибуция — ссылка на уверенность западной печати. Без названия издания. Без даты. Без автора.

Ни документа. Ни свидетельства участника. Ни официального признания — ни тогда, ни в девяностые, когда признавали и не такое.

Относительно гибели Зия-уль-Хака существуют конкурирующие версии, не связанные с советской стороной. Ни одна из них тоже не

доказана.

Добавлю деталь: взрыв в Одджхри расследовала пакистанская сторона, и официальным объяснением стала не диверсия.

Признать чужую диверсию правительству было бы политически выгоднее, чем признать собственную халатность на складе в двадцати километрах от столицы. Оно этого не сделало.

Я не утверждаю, что ничего не было. Я утверждаю ровно то, что установила: первоисточника у этой версии обнаружить не удалось, и потому в качестве события она предъявлена быть не может.

КАК ЭТО ПРОВЕРЯЕТСЯ

Метод простой, и его может повторить кто угодно.

Берётся утверждение. Ищется самая ранняя публикация, где оно встречается. Смотрится, на что ссылается она.

Если ранняя ссылается на позднюю, а поздняя на раннюю — это круг, и он означает, что источника нет. Если все версии совпадают дословно — это одна публикация, размноженная копированием, а не независимые свидетельства.

С версией о возмездии происходит и то и другое сразу.

ПОЧЕМУ Я ВООБЩЕ ЭТО ДЕЛАЮ

Скажу о правиле, которое держу во всех текстах, и скажу без обиняков.

Проверять надо не только то, что тебе неудобно. Проверять надо в первую очередь то, что приятно.

Версия о возмездии — приятная версия. Она льстит. Она даёт погибшим то, чего они не получили. Отказаться от неё дороже, чем отвергнуть чужую клевету, — именно поэтому отказ чего-то стоит.

Если я снимаю лестное свидетельство на том же основании, на котором сняла бы обвинительное, — у остального текста есть вес. Если нет — нет и веса, и тогда весь мой разговор про этих ребят ничем не отличается от трёпа.

Им врать нельзя. Ни в какую сторону.

ОДИН ЧЕЛОВЕК УЖЕ СДЕЛАЛ ТО ЖЕ САМОЕ

Прежде чем идти дальше, расскажу историю, которая для меня служит образцом.

В 1986 году Александр Розенбаум впервые поехал в Афганистан. Пускать его не хотели: он был известен, но недостаточно, — и слово за него замолвил Иосиф Кобзон, ездивший туда раньше.

До поездки Розенбаум написал песню «В горах Афгани». В том же 1986-м её вмонтировали в документальный фильм Киностудии Министерства обороны «Боль и надежды Афганистана» — то есть она получила ровно тот статус, к которому обычно стремятся.

А потом он там побывал.

И после поездки перестал её исполнять. По сообщениям, дело было в одной строке, которая на месте оказалась неправдой: она описывала войну не так, как война выглядела. Песня осталась на пластинке — просто для истории.

Уже после Афганистана он написал «Монолог пилота „Чёрного тюльпана“», «Караван» и «Дорогу длиною в жизнь». Именно они и остались.

Человек убрал собственную вещь, уже вошедшую в фильм, потому что увидел, что она не соответствует действительности. Не под давлением. Не по требованию. Сам.

Если так поступил автор с собственной песней — я тем более обязана поступить так с чужой красивой версией.

А ВОТ ТЕПЕРЬ ИНТЕРЕСНЕЕ

И здесь легенда становится любопытнее правды, ради которой её проверяли.

Восстановим факт. 26–27 апреля 1985 года два десятка безоружных людей захватили арсенал и полтора суток дрались с регулярной армией

чужого государства.

Официальный ответ Советского Союза: нота протеста и заявление посла Виталия Смирнова от 11 мая 1985 года.

Нота.

Народная память этого ответа не приняла. И достроила недостающее сама.

Легенда о возмездии не содержит сведений о том, что сделал Комитет государственной безопасности. Она содержит сведения о том, чего страна ждала от своего государства и не получила.

Она возникла ровно в том месте, где требуемое действие не было совершено, и заполнила пустоту тем, что оказалось под рукой: совпадением дат.

Люди сами дописали своей стране поступок, которого она не совершила. Из любви дописали. Из нежелания верить, что своих действительно бросили.

ДВЕ ЛЕГЕНДЫ С ОБРАТНЫМ ЗНАКОМ

Через несколько лет тот же механизм сработал второй раз — и с противоположным знаком.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР оценил решение о вводе войск как заслуживающее морального и политического осуждения.

В постановлении нет ни слова о вернувшихся. Ни одного имени, ни одного упоминания исполнителей.

А в беседах, военкоматах, жилотделах и отделах кадров на протяжении всех девяностых на любое обращение отвечали пятью словами: мы вас туда не посылали.

У этой фразы тоже нет первоисточника. Ни один документ её не содержит, ни одно ведомство её не предписывало, ни одно должностное лицо не признало себя автором.

Поставьте два явления рядом. Оба не имеют источника. Оба заполняют пустоту, оставленную государством.

Разница одна: первое возникло из потребности в справедливости, второе — из потребности не платить.

ЧТО ЭТО ГОВОРIT О ВРЕМЕНИ

Разрыв между воюющим и его надстройкой фиксируется в фольклоре раньше, чем в документах.

К декабрю 1989 года народ уже четыре года знал то, что государству ещё предстояло оформить: защищать своих исполнителей оно не будет.

Легенда о возмездии — не наивность. Это диагноз, поставленный снизу и с опережением на четыре года.

ОТДЕЛЬНО — О ТОМ, ЧЕГО Я НЕ ДЕЛАЮ

Я не спорю с теми, кто эту версию пересказывает. У большинства из них нет никакого умысла: текст ходит по кругу, ссылается сам на себя, и проверить его никому не приходит в голову.

Я не выдаю отсутствие источника за доказательство того, что операции не было. Отсутствие доказательства — не доказательство отсутствия, тем более в закрытой сфере.

Я говорю ровно одно: предъявить нечего. Значит, в качестве факта это не идёт.

И добавлю ещё одно, уже от себя.

Тем двадцати в Бадабере не нужна легенда. Им хватило того, что они сделали. Если у нас нет для них ничего лучше выдуманной мести — это говорит не о них.

Государство ответило на Бадабер нотой. Общество ответило легендой.

Сорок лет спустя легенда живёт, нота забыта, а имена восставших установлены не полностью.

Вопрос, на который у меня нет ответа: что должно было произойти в апреле 1985 года, чтобы легенда оказалась не нужна?

Девятый материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — о том, что осталось на земле после двух кампаний, советской и американской. Там всё считается.

Опись и аудит

№ в серии: 42 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 05.10.2026 · ЖЖ: 14.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

В 1982 году домостроительный комбинат в Кабуле расширили до тридцати семи тысяч квадратных метров жилья в год. Шёл третий год войны. Безвозвратные потери 40-й армии за этот год — тысяча девятьсот сорок восемь человек.

Одна и та же страна в одни и те же месяцы теряла людей на перевале и клала на этом перевале асфальт.

Я не знаю второго такого случая в двадцатом веке.

СПИСОК, КОТОРЫЙ МОЖНО ПРОВЕРИТЬ

Перечень объектов, построенных в Афганистане при экономическом и техническом содействии СССР, существует. В нём даты ввода и проектные мощности. Это не мемуары и не публицистика — это опись.

Асфальтобетонный завод в Кабуле — 1955 год. Речной порт Ширхан на Пяндже — 1959-й, расчёт сто пятьдесят пять тысяч тонн груза в год, из них двадцать тысяч тонн нефтепродуктов. Аэродром Баграм — 1961-й. Международный аэропорт Кабула — 1962-й. Гидроэлектростанции Наглу и Пули-Хумри. Аэродром Шинданд — 1977-й.

Кабульский политехнический институт примерно на тысячу двести студентов и автомеханический техникум при нём.

И Саланг: дорога через Гиндукуш сто семь и три десятых километра, тоннель две тысячи шестьсот семьдесят шесть метров на высоте около трёх тысяч трёхсот. 1958–1964 годы. Проходку вёл московский Метрострой. На момент открытия — самый высокогорный тоннель в мире.

Свыше семидесяти процентов всей технико-экономической помощи шло из Москвы. Цементный завод строили поляки и чехословаки,

ткацкую фабрику — немцы. Афганских инженеров учили в советских вузах бесплатно.

СТРОЙКА ПОД ОГНЁМ

1982 год — расширение домостроительного комбината. В те же годы — реконструкция технических систем Саланга, ввод станции Тургунди, железнодорожный мост через Амударью, автотранспортные предприятия. Продолжалась подготовка афганских специалистов.

Кабульский политехнический институт работает по сей день. Основной изучаемый иностранный язык в нём остаётся русский.

Тоннель на Саланге стоит.

ДРУГАЯ КОЛОНКА

Теперь вторая кампания. Считать её проще: американцы посчитали сами и опубликовали.

Специальный генеральный инспектор США по восстановлению Афганистана — институт, созданный конгрессом именно для того, чтобы следить за расходом, — в итоговых отчётах даёт следующее.

На восстановление ассигновано около ста сорока пяти миллиардов долларов.

Задокументировано тысяча триста двадцать семь случаев неэффективного расходования, злоупотреблений и хищений на сумму от двадцати шести до двадцати девяти миллиардов. Порядка девяноста трёх процентов потерь приходится не на прямое воровство, а именно на неэффективность.

Дополнительно около восьмисот тридцати семи миллиардов израсходовано на боевые действия.

И порядка восьмидесяти трёх — девяноста миллиардов — на создание афганских сил безопасности, которые распались в течение недель после ухода внешних сил в 2021 году.

СИММЕТРИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Ставлю обе оговорки здесь один раз.

Тот же американский аудитор фиксирует и достижения периода: снижение детской смертности, рост грамотности, увеличение подушевого валового продукта. Это не мелочь, и вычёркивать это было бы жульничеством.

С другой стороны, советская программа помощи была политически мотивированной. Часть объектов на проектные показатели не вышла. И никакая стройка не предотвратила ни переворота 1978 года, ни последовавшей войны.

Ни одна из этих оговорок не отменяет сопоставления.

ЕЩЁ ОДНА КОЛОНКА

К описи стоит добавить строку, которая не попадает даже в перечни.

С конца шестидесятых на севере Афганистана работали газовые промыслы, построенные при советском участии, и газ оттуда шёл в Советский Союз. Отношения были не только благотворительными: страна, которую строили, платила ресурсом.

Это важно назвать ради точности. Программа помощи не была ни чистой филантропией, ни чистой геополитикой. Она была тем, чем обычно бывают отношения соседей: смесью расчёта, обязательства и привычки.

И именно поэтому опись работает как аргумент. Благотворительность можно прекратить без последствий для репутации. Обязательство — нет.

В ЧЁМ СОПОСТАВЛЕНИЕ

Одна кампания оставила после себя инвентарную опись. Другая — отчёт аудитора.

В первом случае можно приехать и потрогать: дорога, тоннель, институт, электростанция.

Во втором можно открыть документ и прочитать, сколько потрачено и какая доля потрачена впустую.

Это не про нравственные достоинства сторон. Это про материальный остаток, и он считается.

ЗАЧЕМ МНЕ ЭТА БУХГАЛТЕРИЯ

А теперь то, ради чего я вообще её завела, — и это уже не про Афганистан.

В начале девяностых бывшим офицерам афганской армии, оказавшимся без страны, отвечали, что обязательств перед ними нет: их принимало другое государство. В те же годы вернувшимся из Афганистана отвечали в беседах пятью словами — мы вас туда не посылали.

Обе фразы произносились от имени страны.

Опись объектов и есть доказательство того, что это были разные субъекты.

Первый двадцать пять лет возил туда цемент, турбины, дорожные машины и преподавателей — и продолжал возить под огнём: комбинат расширяли в 1982-м, в разгар боёв.

Второму понадобилось два месяца, чтобы обесточить всё построенное: согласие на прекращение военных поставок дано 15 ноября 1991 года, с 1 января 1992-го поставки прекратились полностью, в апреле Кабул пал.

Между рукой, ведущей тоннель сквозь хребет, и рукой, ставящей подпись под отказом, нет преемственности. Есть подмена.

ЧЕГО В ЭТОМ ТЕКСТЕ НЕТ

Сводных данных о том, во сколько обошлась советская программа помощи в сопоставимых ценах, я не привожу.

Такие оценки в обращении есть, но при проверке расходятся в разы и опираются на разные методики пересчёта. Ставить их рядом с цифрами

американского аудитора значило бы сравнивать проверенное с непроверенным.

Опись объектов и отчёт аудитора сопоставимы. Итоговые суммы — нет.

Афганский политехнический институт всё ещё учит инженеров. И учит на русском языке.

Никто в России этого не финансирует, не пропагандирует и, кажется, вообще об этом не помнит.

Материальный остаток кампании — это то, что от неё в конце концов остаётся. Опись составили один раз, в советское время, и с тех пор не пересматривали.

Ребятам, которые каждое пятнадцатое февраля стоят в строю, в очередной раз говорят, что всё было зря. Ответить им нечем — потому что опись никто не предъявил.

Почему за тридцать с лишним лет её не составили заново?

Десятый материал сезона «Шурави», всего 11. В следующий раз — последний текст сезона: о сражении, которое эта армия выиграла уже после того, как ушла, и о том, что было потом.

Последняя битва великой армии

№ в серии: 43 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 4 «Шурави» · Дзен: 07.10.2026 · ЖЖ: 16.11.2026 · Теги: Историческая Россия, Шурави

15 февраля 1989 года последнее подразделение 40-й армии перешло мост через Амударью. Мост построили сами.

Через месяц оппозиция начала генеральное наступление на Джелалабад. К июню его отбили. Советских войск в стране уже не было.

Каждое пятнадцатое февраля я хожу туда, где стоят те, кто по этому мосту шёл. И каждый раз думаю об одном: их не победил никто.

АРМИЯ ВЫШЛА НЕПОБЕЖДЁННОЙ

Начну с того, что доказуемо целиком, и скажу это жёстко.

Военного поражения не было.

40-я общевойсковая армия не была разгромлена, не была окружена, не была вынуждена к отступлению противником, не понесла катастрофических потерь при отходе и не бросила материальную часть. Аэродромы, гарнизоны и сторожевые заставы передавались афганской стороне последовательно, а не бросались.

Цифры отхода: 1988 год — семьсот пятьдесят девять погибших, 1989-й — пятьдесят три. Это арифметика планового вывода, а не разгрома.

Она вышла потому, что 14 апреля 1988 года в Женеве были подписаны соглашения, обязавшие вывести войска в девятимесячный срок. Сторонами выступали Афганистан и Пакистан; СССР и США подписали декларацию гарантов.

И тут важна одна вещь, которая обычно проходит мимо.

ЖЕНЕВА ОСТАВИЛА ИНСТРУМЕНТ

Конструкция соглашений не предусматривала прекращения внешних поставок.

Обе державы-гаранта сохраняли возможность продолжать снабжать своих подопечных — по формуле, которую внешняя печать сразу назвала симметрией и над нелепостью которой посмеивалась прямо в дни подписания: договор прекращал военное присутствие и оставлял в силе военное снабжение обеих сторон.

Нелепость эта была нелепостью только с точки зрения умиротворения. С точки зрения наших интересов это была выигранная позиция: Москва уходила, но сохраняла право поддерживать созданное.

Запомните этот пункт. Через три с половиной года он решит всё.

ТРИ ГОДА, КОТОРЫХ НИКТО НЕ ОТВОДИЛ

Западные и пакистанские аналитические центры отводили правительству Мохаммада Наджибуллы недели. В лучшем случае месяцы.

19 февраля 1989 года, через четыре дня после ухода советских войск, в стране введено чрезвычайное положение.

В марте началось наступление на Джелалабад — операция, подготовленная при прямом участии пакистанской межведомственной разведки. Расчёт: взять крупный город у границы, объявить его временной столицей, получить признание.

Наступление провалилось. Правительственные войска удержали город и за два месяца вытеснили нападавших; к июню атака была отбита полностью.

Последствия оказались тяжелее самой неудачи. Один из офицеров пакистанской разведки, участвовавший в подготовке операции, впоследствии признал: моджахеды так и не оправились от Джелалабада. Глава пакистанской разведки был отстранён от должности указом премьер-министра Беназир Бхутто.

В течение того же года оппозиция безуспешно атаковала Хост, Саланг, Герат и Кандагар.

6 марта 1990 года пришло испытание изнутри: министр обороны Шахнаваз Танай с аэродрома Баграм отдал приказ бомбить столицу, и на

его стороне выступили две танковые бригады, полк связи и дивизия. Мятаж подавили за двое суток.

Правительство, которому отводили недели, продержалось три года. Дольше, чем продержался Советский Союз.

24 ДЕКАБРЯ 1989 ГОДА

А теперь сопоставьте даты, и всё встанет на место.

К июню 1989 года кабульское правительство выиграло Джелалабад.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР принял постановление № 982-1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года». Главный пункт умещается в четыре строки: решение заслуживает морального и политического осуждения. Документ подписан Михаилом Сергеевичем Горбачёвым.

Осуждали не проигранное дело.

Осуждали дело, которое в тот момент побеждало.

В постановлении нет ни одного имени. Ни принимавших решение — Юрия Владимировича Андропова, Дмитрия Фёдоровича Устинова, Андрея Андреевича Громыко, Бориса Николаевича Пономарёва, — ни исполнявших. Ни одной персональной ответственности, ни одного последствия ни для кого из живых.

Но в публичном обращении оценка немедленно перешла с решения на шестьсот двадцать тысяч человек, это решение исполнивших.

Постановление действует до сих пор. 21 ноября 2018 года в Государственной думе прошли слушания и был одобрен проект о признании оценки Съезда не соответствующей исторической справедливости; принятие приурочивали к 15 февраля 2019-го. 14 февраля 2019 года Дума отказалась рассматривать этот проект.

Тридцать шесть лет. Государство, приславшее людей, исчезло. Оценка, выданная им на прощание, осталась.

ТРИ МЕСЯЦА

Теперь арифметика, ради которой я держала в памяти женеvский пункт.

15 ноября 1991 года — официальное согласие на прекращение военных поставок правительству в Кабуле с 1 января.

1 января 1992 года — поставки вооружения и боеприпасов прекращены полностью.

Март 1992-го — воевать нечем; 18 марта Наджибулла объявляет о готовности уйти в отставку.

27–28 апреля 1992 года — власть в Кабуле переходит к оппозиции.

Три года со снабжением. Три месяца без него. В промежутке не изменилось больше ничего: ни численность оппозиции, ни рельеф, ни качество афганской армии, ни внешняя обстановка.

Изменилось снабжение.

Армию союзника не разбили. Её обесточили.

И право снабжать не было ни милостью, ни самодеятельностью — оно было выторговано в Женеве в обмен на график вывода. От него отказались вне рамок какого-либо нового соглашения и без встречной уступки.

Отмечу и дату по отношению к самим себе: 15 ноября 1991 года — за три недели до Беловежских соглашений. Государство, распорядившееся судьбой союзника, к моменту исполнения собственного распоряжения уже не существовало.

ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ ДЛЯ НЕГО

Наджибулла укрылся в здании миссии ООН в Кабуле и прожил там безвыездно четыре года, пока город делили вчерашние союзники по оппозиции.

В осаждённом городе он переводил книгу о соперничестве Российской и Британской империй за Афганистан в девятнадцатом веке — ту самую Большую игру, очередным ходом которой была его собственная судьба. Работу он не закончил.

26 сентября 1996 года Кабул заняли талибы. Ночью вооружённая группа ворвалась в миссию, избив персонал и вывезла Наджибуллу и его брата Шахпура Ахмадзая. Обоих пытали и убили; тело протащили около двух километров до перекрёстка у президентского дворца.

Ему было сорок девять лет.

17 апреля 1992 года, через несколько дней после падения Кабула, московская газета вышла с материалом под заголовком «Последняя жертва перестройки». Заголовок был точен во всём, кроме одного слова: жертва оказалась не последней.

ЧЕГО Я ЗДЕСЬ НЕ УТВЕРЖДАЮ

Мотивов решения от 15 ноября 1991 года я не разбираю: версий достаточно, документов под ними мало. Я фиксирую последствие, а не побуждение.

И я не утверждаю, что в августе 1991 года армия не выступила из-за постановления 1989-го. Доказательств такой связи нет, и додумывать я не буду.

НО ОДНО СКАЗАТЬ МОГУ

Всякая исполнительная дисциплина держится на неписаном условии: отдавший приказ отвечает за приказ. Оно нигде не записано именно потому, что до определённого момента его не приходило в голову оспаривать.

24 декабря 1989 года это условие было отменено. Не текстом — прецедентом.

Институт, у которого отняли гарантию, не бунтует. Он медлит.

Между декабрём 1989-го и августом 1991-го прошло двадцать месяцев.

ПОЧЕМУ Я НАЗЫВАЮ ЭТО ПОСЛЕДНЕЙ БИТВОЙ

Теперь я скажу то, ради чего затевался весь сезон, и скажу прямо.

Армия, о которой в 1943 году спели «Несокрушимая и легендарная», за всю свою историю не была сокрушена внешним врагом ни разу. Ни в сорок первом, когда до Москвы оставались километры. Ни позже.

Афганистан стал её последним большим делом. Девять лет и пятьдесят один день. Шестьсот двадцать тысяч человек прошли через это, пятнадцать тысяч не вернулись.

Она вышла оттуда в строю, с техникой и управлением, передав всё, что должна была передать. Её никто не победил.

Через десять месяцев ей объявили, что дело, за которое погибли эти пятнадцать тысяч, заслуживает осуждения. Через два года у неё забрали страну, которой она присягала. Через три — отдали союзника, которого она девять лет держала на руках.

Это была армия народная и добровольческая. Не наёмная, не сословная — та, куда мальчик с бронью приходил проситься сам. И проиграла она не в горах.

Мне тридцать лет говорят, что об этом надо вспоминать сдержанно, взвешенно, без лишних эмоций.

Не буду. Взвешенность я держу в фактах — там она обязательна, и я за неё отвечаю каждой датой в этом сезоне. А в отношении обойдусь без неё.

Я их люблю. Я о них горюю. И я считаю, что нам всем сильно повезло, что такие люди у нас были.

ЧТО ТАМ ПОЮТ

На встречах пятнадцатого февраля поют. Всегда одно и то же, и никто не сговаривается.

«Монолог пилота „Чёрного тюльпана“» — про Ан-12, увозивший погибших домой, написанный Розенбаумом после того, как он сам туда съездил. «Караван». Вещи «Каскада» и «Голубых беретов» — ансамблей, собранных из своих же, из солдат и офицеров контингента, и до 1985 года игравших подпольно.

И почти всегда — «Несокрушимая и легендарная», песня 1943 года на музыку Александра Васильевича Александрова и слова Осипа Яковлевича Колычева.

Вот на этом месте у меня каждый год перехватывает горло, и я даже знаю почему.

Песню сорок третьего года поют люди, чья армия — та же самая. Не по названию, а по существу: народная, добровольческая, не сокрушённая внешним врагом ни разу за всю свою историю.

Сначала они пели её мальчишками, потому что не было ничего, кроме неё. Потом сочинили себе свою — и пели её подпольно, потому что их войну не разрешали называть. Потом им сказали, что дело их осуждается. Потом сказали, что их туда никто не посылал.

А они всё равно приходят и поют обе.

Пятнадцатого февраля я снова пойду туда, куда хожу каждый год.

Их будет меньше, чем в прошлом. Так будет и дальше, и с этим ничего не сделать.

Вопрос, которым я закрываю этот сезон и на который у меня нет документа: достаточно ли двадцати месяцев, чтобы армия перестала считать себя обязанной?

И сколько нужно, чтобы страна снова сочла себя обязанной — им?

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Шурави». Сезон окончен. Следующий — «Моя Москва».

СЕЗОН 5 · «МОЯ МОСКВА»

Материалов в сезоне: 11 · **Сквозные №:** 44–54 · **Дзен:** 08.10.2026 — 27.10.2026 · **ЖЖ:** 18.11.2026 — 08.12.2026